

Маяковский и современная поэзия

В дискуссии, начатой статьей Ст. Лесневского («ЛГ», № 36, 1982), уже выступили критики А. Кондратович («ЛГ», № 37), В. Сухнев («ЛГ», № 38), А. Казинцев («ЛГ», № 41), Ал. Михайлов («ЛГ», № 43), П. Уляшов («ЛГ», № 47), поэты Е. Исаев («ЛГ», № 39), А. Васадзе, М. Ильинский и В. Соколов («ЛГ», № 40), О. Шестинский («ЛГ», № 44), В. Кочетков и В. Сидоров («ЛГ», № 45), В. Савельев («ЛГ», № 46), Т. Бондарь («ЛГ», № 48), читатели («ЛГ», №№ 41, 44, 46). Печатаем сегодня статью поэта Н. СТАРШИНОВА.

старого критического термина «интеллектуальность». «Духовность» стала как бы оправданием интеллектуальных игр.

Ничего не имею против стихов Т. Бек из ее первой книги, очень милых и изящных. Я сам включал их в антологию молодой поэзии. Вероятно, должны существовать и подобные стихи. Но нельзя же стихи такого рода считать

Николай
СТАРШИНОВ

хovanностью, неопределенность мышления и направленности — интеллектуальностью.

Мне-то казалось, что именно глубокое отражение в стихах жизни во всей ее широте, многообразии и оложности и есть духовная поэзия.

...Я нередко думаю о том, насколько мы близки к народу, к его жизни, к его заботам.

Режим многих московских поэтов приблизительно таков.

Подъем. Работа за столом над рукописями. Поход в редакцию и издательства. Посещение Дома литераторов.

ним, исключая, конечно, разговоры с управляющим и со старостой (они-то могли бы поговорить с бригадирами или с председателем колхоза).

Вот потом и получается так, как произошло с одним поэтом. Я прочитал у него стихи об овсяном поле, в которых «овес звенит тугими колосками».

Думаю, что А. С. Пушкин не написал бы такого, он-то мог отличить овес от ржи, пшеницы и ячменя.

Или «духовным» поэтам не обязательно знать такие подробности, такие пустяки?

вопросов, поставленных в ней, был: назовите самого уважаемого вами поэта.

Мне стало грустно оттого, какого именно поэта поставили на первое место.

И не потому, что я не уважаю этого поэта. Он несомненный мастер стиха и достоин уважения. Но считать его лидером нашей поэзии, равняться на него...

Стихи его интеллигентны, изящны. Но духа времени в них нет, нет даже его внешних примет.

Эта поэзия для посвященных, для элиты. Она как бы парит надо всем — и над социальными проблемами, и над бытом, и над международными грозами, и над заботами ежедневными простых (и не только простых!) людей, не замечая их и даже пренебрегая ими...

Чьи интересы мы выражаем? Скажем, Н. Некрасов, которого очень уважал В. Маяковский и для которого интересы народа были превыше всего, писал:

Ночь. Успели мы всем насладиться,
Что ж нам делать?
Мы теперь бы готовы
Не хочется спать,
Что жрете вы, —
Ведь мы его того-с...
Навозом...
Молись, чего пожелать.

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто все терпит во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не рощат немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусство,
в науку,
Предаваться мечтам
и страстям...

Для кого мы пишем?
В самом деле, не только же
для тех, кому «предоставлено
почтительно» «погружаться в

рые меня все больше и больше настораживают...

Немалую путаницу и неразбериху в этот вопрос внесли, на мой взгляд, авторы дискуссий об интеллектуальной поэзии, ее творцы.

Вероятно, по их мнению, и Н. Некрасова никак нельзя отнести к поэтам-интеллектуалам, к «духовным» поэтам. Я даже слышал, как С. Есенин называли снисходительно «поэтом для таксистов»... Не говорю уж о таких поэтах, как А. Кольцов, И. Никитин, И. Суриков. А если продолжить эту линию и до сегодняшнего дня, то, конечно, и М. Исаковский, и А. Твардовский...

Очень уместно напомнил большой знаток творчества А. Твардовского А. Кондратович, сделавший в последние годы так много ценного для памяти Александра Трифоновича, его слова о необходимости для поэта «генеральной думы» («ЛГ», № 37, 1982).

С А. Пушкиным получилось несколько сложнее. Во-первых, он все-таки основоположник, и с одной стороны — интеллектуал, который «духовной жаждою томим...» (конечно, не той духовной жаждою, о которой так пекутся иные современные критики).

Но с другой стороны: Сребриницей чистил он коня, А сам ворчал, сердясь не в меру: «Занес же вражий дух меня На распронятую квартиру!»

Какой же это интеллектуал? Уж очень простоватое... Или:

Сват Иван, как пить мы станем, Напрямую уж поманем
Трех Матрешу, Луну с Петром,
Да Пахомовну потом.
Мы живали с ними дружно,
Уж как хочешь — будь что будь —
Этих надо помянуть,
Помянуть нам этих нужно.

Это уж и совсем примитив!.. Вот до чего докатился поэт...

Тут мне и подумалось: уж не к интеллектуалу ли своего времени, «румяному критику», «насмешнику толстопузому» обращался Александр Сергеевич, преподнеся ему унылейший русский пейзаж:

Смотри, какой здесь вид:
избушен ряд убогий,
За ними чернозем,
равнины скат отлогий,
Над ними серых туч
густая полоса.
Где нивы светлые?
где темные леса?

А дальше-то картина, вероятно, еще больше шокирующая критика:

...На дворе живой собачки нет.
Вот, правда, мунишон,
за ним две бабы след:
Вез шапки он;
несет под мышкой
гроб ребенка
И кличет издали ленивого
попенка...

А потом, увидев, что критик-интеллектуал совсем перепуган, был удовлетворен:

Куда же ты? — В Москву...
Что, брат?
уж не трунишь,
тоска берет — ага!

Ага, «румяные» и нерумяные критики-интеллектуалы! Оказывается, поэтов, наиболее близких к народу, писавших о его судьбе, о его болях, бедах, печалях и радостях, поэтов, наиболее близких к национальным традициям, наиболее острых социально и граждански, никак нельзя отнести к интеллектуалам! Это как бы поэзия второго, даже третьего сорта! Бездуховная и примитивная...

Вот Баратынский, Фет, Анненский, Мандельштам — это да! А дальше кто? Спору нет — все это пре-

красные поэты. Но все же я не думаю, чтобы их можно было назвать выразителями жизни народной во всем ее объеме.

Почему же вдруг именно она, такая поэзия, стала самой уважаемой и необходимой для молодых поэтов? Да потому, что именно ее пропагандируют, выдвигают на первый план, а не поэзию А. Твардовского, Я. Смелякова, Л. Мартынова, которая действительно жила полнокровной жизнью, наполнена ветром нашего времени.

И еще раз о контакте с широким читателем.

Как-то я спросил одного автора, имеющего не одну книгу, почему я не могу понять многие его стихи — о чем они, для кого написаны. (Между прочим, он выходец из деревни, а его отец и мать и до сих пор живут на земле.)

Он мне ответил, что писать так, как он это делал раньше (а у него были «нормальные» стихи о сельской жизни), ему уже неинтересно, что новые его стихи — это интуитивная (уже не интеллектуальная даже!) лирика...

Как мне жаль бедных родителей этого поэта-интуита — они-то ничегошеньки не поймут в его интуитивной лирике.

Характерно, что, пройдя «поверх барьеров» интеллектуальной лирики, Б. Пастернак задумался о большом читателе, что ему захотелось встать, «как в ересь, в неслыханную простоту».

Его потянуло к простым людям, он, находясь «в грядчей духоте вагона», встретился со своими читателями и кормильцами и написал о них стихи, полные уважения и даже обожания:

Презвожмая обожанье,
Я наблюдал, боготворя,
Здесь были бабы,
слобжане,
Учащиеся, слесаря.

В них не было следов холопства,
Которые владет нунда,
И новости и неудобства
Они несли, как господа.

Вот оно, желание ни в коем случае не ставить себя выше народа, не щеголять своей духовностью, рафинированной интеллигентностью, интеллектом, интуицией...

Между прочим, иные поэты понимают это лучше критиков. Написал же В. Костров:

В день моего рожденья
мне оказали честь
крестный отец и шурин,
дядя жены и тесть.

Именно «оказали честь» его читатели, люди труда, люди, «пулею и вошью пытаные на войне», люди пашущие и сеющие...

Недаром наше государство называется общенародным государством, нынешний поэт не может не чувствовать себя частицей всего народа, всего общества.

И как странно звучит сегодня определение «деревенская проза», а ее авторы — «деревенщички». Почти презрительно, во всяком случае, снисходительно. Конечно: она же «бездуховная», как «бездуховные» и стихи, посвященные сельской жизни.

Так можно зайти очень далеко...

А вот «бездуховный» молодой поэт Н. Дмитриев, переключаясь с В. Маяковским («Слушайте, товарищи потомки...»), мечтает о том, что экзemplар районной газеты со стихами «как бы корабликом бумажным к потомкам дальним доплывет». И надеется вот на что:

И пусть им наша жизнь
приснится,
И пусть, хотя б на полчаса,
Они запомнят наш лица,
Расслышат наш голоса.

И мне это желание понятное...

ДА, ГЕНЕРАЛЬНАЯ ДУМА!

Я НЕСКОЛЬКО раз порывался написать эту статью, а потом охладевал — мол, не мое это дело.

И, наконец, сестра за нею меня заставило следующее обстоятельство.

Мне рассказали, что во время защиты дипломных работ в одном из вузов дипломику-филологу оппонент сделал такое замечание:

— Работа у вас хорошая. Но вот имена молодых способных поэтов вы привели не те, которые следовало бы. Вы назвали (следуют фамилии). Но это же бездуховная поэзия...

А на вопрос дипломика, кто же из молодых надо отнести к лучшим, у кого из них духовная поэзия, оппонент весьма произвольно назвал некоторых молодых поэтов...

Подобную категоричность я слышал уже не раз, конечно, в нескольких иных вариантах...

Н. Дмитриев написал в одном из стихотворений:

«Пиши о главном», — говорят.
Пишу о главном.

О чем же? Об отце-фронтовике, который дошел до Шпрее и только «зажигалку в качест-

ве трофея в полинявшем сидоре привез», о своем селе, которое «будто «Слово о полку» — в одном бесценном экземпляре» и в котором по вечерам, к сожалению, «как у самолета, даже меньше, может быть, огней», о районной газете, которая

...пропахла не случайно,
Как и советовал райком,
Мониторой СМУ,
шоферской чайной,
Землей, зерном и молоком.

Почему же писать обо всем этом, то есть о жизни, и писать ярко, талантливо, оказывается бездуховным занятием?

А вот писать о маминим буфете, о кузничике, которого поэтесса ловит возле «асфальтовой жаркой дороги»:

Поймала! Но он застеснялся,
Усы опустил — и молчок,
...Кузничик ты мой,
человечек,
Зеленый ты мой дурачок,

— выражать духовность?

Думаю, что в данном и подобных ему случаях духовность оказывается не тем высочайшим пафосом поэзии, который превосходно выразил Маяковский: «...За всех расплачусь, за всех расплачусь», а самоновейшим эквивалентом

столбовой дорогой нашей поэзии.

В. Маяковский писал: «...поэт должен быть в центре дел и событий».

Но почему-то сейчас часто бывает так, что именно тогда, когда в стихах нет ощущения времени, нет каких-то значительных событий, нет сыновней привязанности к родной земле, нет социального звучания, — произведения эти попадают в разряд интеллектуальных, духовных. А народность? А партийность?..

И наоборот, когда в стихах есть ветер времени и жизни, когда они пахнут «землей, зерном и молоком», их относят к разряду неинтеллектуальных, бездуховных.

Как сказал когда-то С. Смирнов, «факт, а не фантазию похоже!»

Под духовностью, интеллектуальностью нередко проходит также некий «гуманистический туман», когда нет определенности, есть некая расплывчатость, отстранение от сугубо земных дел, есть парение над землей, причем на таком расстоянии, когда очертания предметов и людей уже не видны или едва просвечивают сквозь этот туман.

Камерность называется ду-

Иногда (раз или два в год) однодневный выезд на завод или в колхоз для встречи с читателями. И то не у всех...

Я знаю молодых, и не только молодых, поэтов, которые от самого открытия Дома литераторов до закрытия ежедневно проводят в его стенах.

Идут бесконечные разговоры о том, кто и где напечатался, кто кого лучше или хуже пишет, о гонорах, о несправедливости издательств, идет обмен комплиментами...

А потом идут стихи о стихах, стихи о поэтах...

А Пушкину лишь для того, чтобы побывать в Болдино, пришлось несколько дней скакать на перекладных. В пути он побывал на постоялых дворах, беседовал с ямщиками, видел настоящую природу. А приехав в Болдино, занимался устройством своего поместья, вникал в хозяйственные дела, разговаривал с управляющим, со старостой. Ходил на базар «посмотреть кой-какого товара». Скакал на коне двадцать километров, совершая утреннюю прогулку к реке Пьяне.

А его поездки по местам пугачевским?

Многие ли наши поэты могут похвастаться чем-то подоб-

Не о них ли когда-то написал С. Есенин:

...Привычка к Лоригам
И к розам...
Но этот хлеб,
Что жрете вы, —
Ведь мы его того-с...
Навозом...

Печальнее всего, что все эти литературные разговоры о «духовной» поэзии оказывают влияние в первую очередь на молодых. А как же?! Когда им уже со студенческой скамьи твердят о том, что она и есть главное, настоящее. А остальное нельзя принимать всерьез. Оно неинтересно, незначительно, недостойно внимания...

В Литературном институте имени А. М. Горького «была проведена анкета. Одним из

искусства, в науку». Все-таки, должно быть, и для тех создателей материальных благ, чьи работают грубые руки», учитывая и уважая их жизнь, их судьбу, интересы, отражая их, как это делал Н. Некрасов, с чувством должника, с чувством вины перед ними.

Во всяком случае, так должно бы обстоять дело. Но, к сожалению, получается совсем не так, не всегда так, как хотелось бы.

Появилась же такая поэзия для посвященных, которую я назвал бы «литерной поэзией».

Действительно, в последние годы нередко приходилось сталкиваться и в печатных, и в устных выступлениях с попытками разделить поэзию на духовную (видимо, и интеллектуальную) и бездуховную, с такими утверждениями, кото-